
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

**Ирина Беляева. Творчество И. С. Тургенева: фаустовские контексты.
СПб.: Нестор-История, 2018. — 248 с.**

Не отменяя и не исключая привычного прочтения знакомых произведений Тургенева 1850-х — начала 1860-х годов: «Гамлет и Дон Кихот», «Рудин», «Фауст», «Ася», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети», — Ирина Беляева предлагает взглянуть на них в другом ракурсе, в свете фаустовского кода. Натяжки нет: интерес Тургенева к «Фаусту» Гёте, к его философским идеям был глубоким и постоянным. Тургенева привлекало в «Фаусте» органичное литературное воплощение «современного человека», существа переходного времени, живущего в разладе с природой, обществом, собой. Доминирующей чертой фаустовского типа героя, как и современного Тургеневу человека, являлась внутренняя двойственность, порождающая целый комплекс религиозных, духовных, философских, этических, социальных, психологических вопросов. Герой Тургенева, как и герой Гёте, в своем познании мира одержим стремлением к обретению полноты бытия как «безмерного, где-то существующего счастья», достичь которого можно через любовь к женщине. Среди проблемного блока фаустовских тем, интересующих Тургенева, и «фаустовский сюжет» спасения, возрождения грешника; и бездушные «фаустовские» преобразования, превратившиеся у русского писателя в ряде его романов в идею постепенного социального строительства; и философские идеи Гёте о природной гармонии. И. Беляева выявляет темы, мотивы, сюжетные линии и ситуации, восходящие к обеим частям «Фауста» Гёте. Обнаруживает немало аллюзий, реминисценций, текстовых переключек в героях, сценах, диалогах. Приводит прямые цитаты. Обнаруживает в повести «Ася» немецкий подтекст. В «смутных исканиях» Рудина видит продолжение рефлексии Тургенева на тему современного века и современного человека. Предлагает новую трактовку романа «Накануне», в которой «смысловым фокусом» является тема Елены, конечной цели и исканий Фауста, соединяющей важнейшие для Тургенева ценности: Добро и Красоту. Что Красота — едва ли не единственная дорога к спасению, было заявлено Тургеневым задолго до Достоевского. Русским Фаустом видит И. Беляева героя романа «Дворянское гнездо» Федора Лаврецкого, романа, где Тургенев показывает реальную возможность соединения крайних идейных позиций в одном человеческом сердце и в одной человеческой жизни. И предлагает любое жизненное противоречие решать (в том числе между славянофилами и западниками) отказом от крайностей и идейным компромиссом. Немало страниц посвящено самому «фаустовскому» роману, роману «Отцы и дети». Генетическую близость Базарова и Фауста автор обнаруживает в отношении к природе, к науке, к любви, везде присутствует фаустовская двойственность: стремление за облака и крепкая связь с землей. Сближает их и то, что оба врача и сыновья врачей, оба живут в переходную эпоху: Фауст — при переходе от средневековья к Ренессансу, Базаров — от старой России к новой. Есть сходства в отношениях Фауст и ученик, Базаров и Аркадий; Фауст и Гретхен, Базаров и Фенечка; Фауст и Елена, Базаров и Одинцова. На проблему отцов и детей также предлагается взглянуть в свете фаустовской сверхзадачи обретения полноты бытия. Магическое обаяние романа, считает И. Беляева, связано не столько с вечным конфликтом «отцы и дети», а с художественно-философской вариацией любимой тургеневской мысли о внутреннем единстве природы и жизни, несмотря на действующие в ней силы разъединения. В книге много иллюстраций

к «Фаусту» Гёте, а на полях — цитаты из «Фауста» и произведений Тургенева, в которых автор усматривает параллели. Например, репродукцию «Гретхен в своей комнате за прялкой» сопровождает описание комнаты Фенечки («Отцы и дети»), которое в повседневно-причудливых деталях соотносится с незатейливым и ясным миром дома гётевской Гретхен. Но хотя тип героя, ключевая проблематика, основные сюжетные линии в прозе Тургенева восходят к «Фаусту», считать их подражательными, утверждает автор, нельзя, так как они, сохраняя универсальный смысл, творчески переработаны и переосмыслены Тургеневым сообразно русской жизни и русским реалиям. Так, тургеневские героини могут и «не совпадать» с логикой образа Маргариты у Гёте. Например, современная Гретхен Тургенева, Фенечка, — это состоявшаяся молодая мать, обретшая право на все, чего она была лишена у Гёте. И духовное возрождение погибшего человека, Федора Лаврецкого, происходит в земной жизни, а не как у Гёте за крышкой гроба. Фаустовский тип сюжета спасения был чрезвычайно востребован русской литературой, в ней герои решали главный для себя вопрос: спасение своей души, а вместе с этим мира и всего человечества. В отличие от героев европейских романов, нацеленных на внутренний рост или карьеру, герои русской литературы карьеру не отрицали, но не приносили ей в жертву душу. Тема Тургенев и Гёте не обойдена вниманием критиков, но, пожалуй, это первое исследование, где так подробно рассматриваются особое присутствие в мире Тургенева «Фауста» Гёте, притяжения и отталкивания идей немецкого и русского авторов.

Вера Зубарева. «Слово о полку Игореве»: Новый перевод с комментарием. М.: Языки славянской культуры, 2018. — 100 с.: ил. — (Серия: *Studia philologica. Series minor*).

«Слово о полку Игореве», в основе сюжета которого лежит неудачный поход русских князей на половцев, организованный новгород-северским князем Игорем Святославичем в 1185 году, — самое исследуемое и вместе с тем самое загадочное произведение Древней Руси. Тут спорят обо всем. В чем его смысл? Что значат некоторые слова? Да и вообще — не искусная ли это подделка под старину? Даже сейчас нет точного ответа на самые простые вопросы: когда оно было написано, кем, где, а главное, с какой целью. Вера Зубарева, поэт и писатель, преподаватель в Пенсильванском университете, представляет новый поэтический перевод «Слова...» и комментарии к нему, где подробно поясняется концептуальная новизна перевода. И связана она в первую очередь с интерпретацией Бояна, Игоря и Святослава, а также повествователя, которому В. Зубарева отводит роль еще одного персонажа. По ее мысли, и за княжеским песнотворцем Бояном, возвеличивающим при помощи накатанных приемов власть предрежащих, и за повествователем-бардом, порой пародирующим стиль Бояна, стоит Автор. Тот, кто складывает все вместе, определяет композицию, задает подтекст, проявляющийся в деталях, наделяет своих героев речами и поступками, руководствуясь художественным замыслом, проникнуть в который и стремится В. Зубарева. Так, она анализирует принятие решений героями с точки зрения их целей, ценностей, стратегий и психологии. Например, что побудило Автора сделать героем князя Игоря, не желающего задуматься над последствиями похода? В исследовательской литературе существует немало версий (они приведены в комментарии), В. Зубарева предлагает свою: собираясь в поход, Игорь не ставил перед собой задачи завоевания земель противника в целях собственного обогащения. «Он был достаточно богатым князем, хоть это не объяснение в данном случае — князя, устраивавшие набеги на соседские земли, были не беднее Игоря. Тем не менее алчность их не знала предела. Игорь же был

в корне другим. Стоит вспомнить хотя бы окончание первого дня битвы, когда войско Игоря одержало победу. Воины стали хватать золото и серебро, красных девок половецких, а Игорь взял только боевые знаки врагов, символы победы и власти. В этом — весь Игорь. Он понимает роль нематериальных ценностей и демонстрирует это на практике. Не приходится говорить о том, как велик соблазн у победителя на поле брани. Но Игоря не прельщает все то, что прельщает других воинов. Так вырисовывается его существенное отличие от них. Из всех князей, осужденных Святославом, только он, пожалуй, и способен был бы выступить в поход за идею. Именно такой поход и вынашивал Святослав, мечтавший об объединении Руси». И не народ, не князья и не Боян, а именно Святослав увидел в Игоре идеальный для Руси того времени тип правителя, пекущегося не о богатстве, а о славе, считает В. Зубарева, и поставил судьбу Игоря и Русской земли на одну ступень, сделав из него тем самым героя. Это Святослав после того, как гнев его на сына улегся, призывает князей вступить «в золотые стремени за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы». И это в то время как «тут немцы и венецианцы, / тут греки и моравы / поют славу Святославу, / корят князя Игоря, / что потопил богатство на дне Каялы — реки половецкой, / — просыпав русское золото». На призыв Святослава никто не откликается. «Для чего же тогда был брошен клич?» — задает вопрос В. Зубарева и отвечает: «Золотое Слово было направлено к слуху Игоря». С одной стороны — знак Игорю, что хула на него прекращена и ему воздана честь, с другой — в Золотом Слове Святослав не просто призывает князей объединиться и выступить на защиту Игоря, но исподволь подготавливает мнение об его исключительности. Среди прочих князей, разорителей Русской земли, отвоевывающих участки у собратьев и ослабляющих Русь, для осуществления своей идеи объединения Руси Святослав выбрал Игоря. Много в «Слове» вызывает разные толкования. Например, является ли «Слово», где традиционно-библейская основа переплетается с языческими образами, произведением языческим или христианским? В комментариях В. Зубарева прослеживается, как языческие аллюзии в тексте складываются в некую систему и как христианская нота, слабо прорывающаяся тут и там, неожиданно разрешается мощным заключительным аккордом за веру. И возвращение Игоря воспринимается как возвращение блудного сына. «И это взрывает текст, потому что только в этот момент и осознаешь, в чем месседж автора, показавшего, что никаких христианских убеждений у князей и близко не было, что все они пропитаны языческой ментальностью стяжательства и молятся на золотого тельца. Формально они христиане, но, не усвоив сердцем христианских заповедей, они действуют ничуть не лучше, а порой даже и хуже язычников, не дававших обет Господу стоять на страже Его закона. Обирая ближнего своего, разоряя земли, они тем самым попирают основы христианства. Посему концовка „Слова“ направлена не на прошлые походы, а на будущее. Она не о том, как было, а о том, как должно быть. Здесь певец перенимает эстафету у правителя и вводит новое измерение — духовное — в миссию объединения, поднимая объединение княжеств до уровня духовного *единения*». Подтекст «Слова» и его скрытый месседж выносит его за рамки летописного жанра, утверждает В. Зубарева. «Это произведение иного плана, в котором разговор о судьбе и направлении государства, о выборе преемника и стратегии ведется на более искусном языке, чем язык Бояна. А если так, то Автор апеллирует явно не к простому читателю, ориентированному на княжьи песнотворцев... Все эти и другие идеи и легли в основу моего перевода „Слова“». Выстраивая мозаику из ментальностей, подтекстов и метафор, давая свою интерпретацию самым неясным местам «Слова», В. Зубарева сосредоточивается в конечном итоге на месседже, который оно несет. А месседж все так же актуален, как почти и тысячу лет назад: «О внуки Ярослава и Всеслава! / Забудь-

те раздоры прежние, / Не прокладывайте своими распрями / Путь поганым к земле нашей Русской! / Вложите мечи свои в ножны, / Ибо лишитесь славы предков своих»!

Станислав Чернявский. Владимир Мономах. Византиец на русском престоле. М.: Эксмо, Яуза, 2017. — 352 с. — (Тайны Древней Руси).

Время правления Владимира Мономаха (1113—1125) считается «золотым веком» Киевской Руси, ее расцвета. Владимир Мономах родился в 1052 году, в тринадцать лет начал постигать опыт государственного и военного управления, княжил в Смоленске, Чернигове, в 1078—1093 годах был верным подручником своего отца, великого князя Киевского Всеволода, и, отказавшись от завещанного ему отцом киевского престола в пользу двоюродного брата Святополка, помогал новому князю. Он участвовал в военных походах против чехов, Византии и в междоусобицах русских князей, отбивал нападения половцев и подавлял восстание вятичей. Киевский престол занял в шестьдесят лет и вошел в историю как один из великих правителей Руси. Но соответствует ли действительности ставший каноническим образ князя, чего больше принес он Руси — вреда или пользы? Или свой имидж, как сказали бы мы сегодня, он создал сам? В своем «Поучении», где завещал детям и их потомкам быть милосердными и справедливыми, призывал объединиться и прекратить междоусобные войны. В отредактированной им «Повести временных лет», где многие события пропущены, а другие выдвинуты на первый план без достаточных оснований. Отвечая на эти вопросы, историк Станислав Чернявский выстраивает цепочки отдаленных от нас тысячелетием событий, критически прочитывает древнерусские источники, обращается к трудам С. Соловьева, Л. Гумилева, Б. Рыбакова, И. Фроянова, А. Назаренко. И вводит нас в древнерусский мир, что был бесконечно сложнее схем, предлагаемых в вузах. Картина впечатляющая. Расстановка сил в тогдашней Европе: история союзов и противостояний, сложные изменчивые комбинации, войны и политические интриги, в которых участвуют византийцы, русичи, чехи, поляки, степняки, племена, канувшие в Лету. Внутренние усобицы, кровавые схватки русских князей, во многом вызванные лестничным правом, по которому власть передавалась не прямому потомку, а следующему по старшинству брату, младшему брату наследовал старший племянник при условии, что его отец посидел на киевском престоле. Запутанными отношения становились уже во втором, тем более в третьем поколении. При смене правителей происходила перетасовка князей, но раздел не земель, а власти. Князья меняли «место работы», перемещающиеся с ними бояре и дружинники являлись «кочующей администрацией» в волостях, а земельные угодья оставались во владении волостных общин, что могли и не принять присланного князя. Раскол элиты и смуты усугублялся «партийными» разногласиями между «западниками», искавшими поддержки у римского императора и даже у папы, «степняками», выступавшими за союз с кочевниками, и «грекофилами», ориентировавшимися на Византию. Но прагматические соображения не раз ломали все схемы. Так, «грекофил» Владимир делал вклады в западные монастыри, а «степняк» Святослав бил половцев. Яркие портреты князей. Отец Владимира, Всеволод, не высокообразованный правитель, как в «Поучении» Мономаха, а политик мелкий и подлый. Недальновидный Святополк, при котором сформировалась партия западников, начался поход венгров на Русь против прикарпатских князей, союзников Мономаха, а киевляне были опутаны сетью ростовщиков и за неуплату долгов выставались на рынки работорговли. Симпатичный автору князь Олег Гориславич, за которым в русской истории утвердилась дурная слава врага общерусского единства и князя, первым наведшего на Русь степняков, хотя половцев как наемников впервые привел

на Русь Мономах. Жизнь Олега — увлекательнейший авантюрный роман, где этот беспокойный князь выступает как антипод Мономаха, человек честный, верный заключенным союзам и дружбе со степняками. Однако это он отдаст Тмутаракань, в том числе Крым, византийскому императору (вернет их Россия только в XVIII веке) и пойдет отвоевывать отцовскую волость — Черниговщину. Но, конечно, главный герой — сам Мономах, личность довольно отталкивающая, воспринявшая черты двух культур — русской (по отцу) и византийской (по матери, дочери императора Византии Константина IX). Он предстает как циничный, коварный и хитрый политик, знающий, что такое политическая выгода, готовый сотрудничать хоть с половцами, хоть с католиками, лишь бы это шло на пользу его семьи. Убийца и интриган, он хладнокровно жертвует людьми и целыми народами, затевает бессмысленную войну с половцами, чтобы прославить себя, устраняет конкурентов и ведет захватывающую игру, в которой награда — власть. Совершая политические ошибки, он ловко дистанцируется от них, сваливая на других собственные просчеты и преступления. Он осторожен и осмотрителен, умело создает себе реноме нравственного лидера и защитника Руси и в итоге становится великим князем Киевским. Но невозможно убедить в своем величии людей, если ты ничего не сделал для них, и автор, создавший нелюбимый портрет Мономаха, признает, что у него есть серьезные заслуги перед русским этносом. Ему удалось отразить первый натиск католического нашествия (пусть и в борьбе за место для своих сыновей на Руси). Став великим князем, он отстранил прежних княжеских советчиков, изгнал ростовщиков и издал «Устав о резах», покончивший с закабалением русичей. При нем в 1120 году с русских земель были полностью изгнаны печенег, а на Руси не было крупных внутренних войн, и страна крепла. А еще С. Чернявский поставил точку в споре, можно ли объявлять Мономаха, в чьих жилах текла кровь русичей, шведов, греков, «чистокровным украинцем», как это сделали последователи львовского историка Грушевского. Да и у его потомков, сына Юрия Долгорукого, других московских князей, благодаря браку Мономаха с англосаксонской принцессой Гитой, изгнанной из родной страны норманнами, оказалась примешана кровь англосаксов.

Борис Колоницкий. 1917: Семнадцать очерков по истории Российской революции. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — 144 с.: ил.

Борис Колоницкий, специалист по истории Российской революции 1917 года, не стремится дать всеобъемлющую картину событий столетней давности. Отступаясь от советского мифотворчества (ведущая роль большевиков) и от современных конспирологических выкладок (заговоры масонов, англичан и иже с ними), он обращается к ряду дискуссионных аспектов из жизни России 1916–1918 годов. Многие покажутся парадоксальными. Например, роль женщин в февральских событиях. Это работницы текстильных фабрик, возбужденные выступлениями ораторов-социалистов, в канун Международного дня женщин-работниц забастовали, сняли с работы коллег-мужчин — иногда силой — и устремились на улицы, а оттуда по давней традиции толпа перетекла на Невский проспект. Стихийная забастовка, начатая в рабочих районах, превратилась в демонстрацию городского масштаба и через день стала общенациональным событием. Б. Колоницкий отмечает, как необычайно быстро «расплавилась» государственные институты, образовались и укрепились новые структуры, заявляющие о своем праве лишать людей свободы, а то и жизни. Как политизированные бывшие беспартийные сложились в особый политический класс, «комитетский», почувствовавший власть и не желавший ее отдавать. Много внимания уделяется Керенско-

му и Корнилову, нуждавшимся друг в друге и друг другу не доверявшим. И именно «дело Корнилова» стало прологом к Гражданской войне. И если немцы избежали революции благодаря соглашению между умеренными немецкими социал-демократами и генералитетом, то в России этого не произошло. В неожиданном свете предстает адмирал Колчак, один из тех, кто в 1917 году способствовал оформлению культа «борцов за свободу», прославляя лейтенанта Шмидта и возглавляя перезахоронение расстрелянных ранее руководителей восстания с крейсера «Очаков». Адмирал полагал, что так можно поднять дисциплину и боевой дух на флоте. После смерти Ленина, пишет автор, перессорившиеся «маршалы Ильича» доказывали свое право на первородство. Возможно, профессиональные «сыновья лейтенанта Шмидта» — пародия Ильфа и Петрова на устремления утилизировать действительную и вымышленную революционную родословную. Автор останавливается и на религиозной составляющей революции. «Вера в чудо политического, экономического и морального Воскресения страны и нации стала важнейшим элементом массового политического сознания». Священники украшали себя красными бантами, а верующие энтузиасты революции прикрепляли красные ленты к иконам, революцию сравнивали с Пасхой, а Пасху — с революцией. «Современники, радостно приветствовавшие революцию, воспринимали ее как тотальный нравственный переворот, как реакцию на „аморальность“ и „греховность“ старого режима». Проходящая через всю книгу тема — роль в крахе русской монархии массового сознания участников событий: общественное мнение, общественные настроения, источники формирующих их слухов, каналы распространения. «Буревестником» революции назван лидер кадетов П. Милюков, в одной из своих думских речей перечисляя возбуждающие общественное недовольство действия правительства, всякий раз вопрошавший: «Что это, глупость или измена?» Радикальную критику власти продолжили правые: лидер черносотенцев В. Пуришкевич еще резче атаковал в Думе правительство и императрицу. Обе речи запретили к печати, но они перепечатывались и распространялись армейскими писарями и канцелярскими барышнями, добавлявшими свои выдумки. Автор пишет, как, под влиянием каких обстоятельств, событий сформировался образ «царя-дурака», «изменщицы-царицы», как и кем эксплуатировалась «распутинская тема», рождались слухи, подрывающие авторитет царской власти даже у убежденных сторонников монархии. Пишет о том, как эпидемия шпиономании, ксенофобия и воинственный национализм разъедали работавшую с перебоями государственную машину огромной империи. Как в вездесущие «темные силы», о которых писали и в нелегальных листовках, и в ежедневных газетах, рассуждали в великосветских салонах и обличали с трибуны Государственной думы, попадали немцы, германские шпионы и прогерманские политики, царь и царица, Распутин и «распутинцы», предатели в высших эшелонах власти, банкиры, предприниматели, евреи. Дана объективная картина реальных трудностей военных лет: отечественная промышленность, которая не могла одновременно обеспечить и армию, и внутренний рынок; неслаженная инфраструктура, из-за чего продовольствие, бывшее в стране в избытке, не успевали доставлять в города, как следствие — «голодные бунты» женщин, погромы булочных, пекарен, лавок. И, конечно, «для развала Российской империи отечественные взяточники сделали не меньше, чем все заговорщики, вместе взятые». Обострившийся продовольственный кризис, воспринимавшийся как «голод», породил новое явление — «хвост»: очереди из разъяренных женщин, своего рода «фабрика слухов». «...Белошвейки и банщики, горничные и пекари, бакалейщики и приказчики, швейцары и кухарки, мастеровые и дворники оказались втянутыми в большую политику — политика пришла на улицы, во дворы и в квартиры». По мысли автора, ход Большой истории часто определяют как действие, так и бездействие «маленького человека». Рассматривая прошлое в неожиданном ракурсе — сочетание реалий жизни

и общественных настроений, автор подводит к выводу, что во избежание революций необходима твердая единая власть, способная контролировать общественное мнение. Он предвидел, что его текст вызовет желание спорить.

Армен Гаспарян. *Ложь Посполита*. СПб.: Питер, 2018. — 192 с.: ил. — (Серия «Книги Армена Гаспаряна»).

Журналист, историк Армен Гаспарян считает, что русофобская политика Варшавы вызывает у нас непонимание и недоумение из-за того, что нам, воспитанным на советских постулатах о нерушимом братстве и дружбе народов, многие события XX века долгие годы оставались неизвестными. Принимая Польшу в братский союз социалистических стран, мы предпочитали не вспоминать о том, что происходило в 1920-е годы. И в социалистической Польше на государственном уровне русофобские настроения не поддерживались, хотя и были. А. Гаспарян рассказывает о «неудобных», больших вопросах истории, накопившихся за XX век. Например, о том, что Польша категорически отрицает: массовая гибель красноармейцев в польских лагерях в 1920-е годы, уничтожение храмов Русской православной церкви в эпоху Пилсудского, участие поляков в холокосте. Документы, свидетельства современников, цифры. Только в лагере в Тухоле погибли двадцать две тысячи пленных красноармейцев. А были лагеря и в Житомире, Барановичах, Вильно, Бобруйске, Гродно. Участь заключенных в них фактически не отличается от участи узников Аушвиц-Биркенау, Дахау, Освенцима, Заксенхаузена. Концлагеря как «фабрики смерти» впервые появились именно в Польше в 1920-е годы. Неизвестно, сколько красноармейцев попало в плен в результате волюнтаристского решения «Красного Наполеона», Тухачевского, начать неподготовленный «поход» на Варшаву весной 1920 года. Цифры сильно разнятся: от 157 тысяч человек до 216 тысяч. Кроме пленных красноармейцев, от голода, холода, болезней в лагерях гибли белогвардейцы и украинские националисты. Любые попытки России заговорить об этом на серьезном уровне тут же встречают сопротивление Польши. Уже в 1919 году Пилсудский провел насильственную кампанию по захвату православных храмов и монастырей. Церкви передавались в собственность Римско-католической церкви либо разрушались, даже памятники XII—XV веков. С 1919-го по 1929 год у РПЦ было отобрано 45 % храмов. Православные прихожане под жесточайшим давлением и угрозой выселения были вынуждены подписать заявление о добровольном переходе в католицизм, православных священников в лучшем случае изгоняли. Главным инструментом искоренения православия и русской традиции служила школа: русским детям Закон Божий преподавался только на польском языке, в учебниках истории Россия, ее прошлое и культура поливались грязью. (Как похоже сегодня на Украину.) В нашей стране об этом мало знали, и у нас православная церковь тогда подвергалась гонениям. За годы Второй мировой войны погибло не менее 2,8 миллиона польских евреев. Их убивали не только немцы, но свои же соседи-поляки, притом порой так жестоко, что власти скрывали ужасные расправы от своей общественности. Погромы продолжились и после окончания войны, в результате чего началась массовая эмиграция евреев из Польши. В зоне умолчания — причины провала Рижского мирного договора 1921 года, заключенного по итогам советско-польской войны. В 2017 году Польша потребовала от России как правопреемницы СССР выплатить причитающиеся по этому договору «всего лишь» 45,7 тонны золота, не заметив при этом, что в Рижском договоре фигурировала и Украина (СССР на момент заключения договора не существовал). Разобравшись, что вина в срыве договора лежит на тогдашнем польском руководстве, от которого требовалось выслать пятерых известных противников со-

ветской власти (в их числе Б. Савенков, Петлюра, Тютюнник) и не поддерживать антисоветские организации на территории Польше, чего сделано не было, эту тему нынешние польские власти с повестки дня сняли. Тактичные поляки предпочитают не вспоминать и план «Прометей», направленный на расчленение России по национальному признаку в надежде, что большая часть земель попадет в зависимость от Варшавы. Главными целями прометеизма были Украина и Грузия, что остается в силе до сих пор. Сегодня эта активная организация, филиалы которой находились и в Париже, Хельсинки, Харбине, никому не известна. А. Гаспарян развенчивает несостоятельность самой раскрученной темы во всей истории российско-польских отношений: заключение договора о ненападении между СССР и Германией, так называемый пакт Молотова—Риббентропа, рассматривая его в контексте тогдашней европейской политики. И хотя в 1990 году советское правительство признало вину за расстрел поляков в Катыни, вопросы, считает историк, остаются, и правомочны обе версии: расстрел могли осуществить как сотрудники НКВД, так и немцы. Подробно рассматривает он и историю, связанную с гибелью самолета под Смоленском в апреле 2010 года, также являющуюся предметом острых политических спекуляций. Подробно проанализировав обстоятельства Варшавского восстания 1944 года, он приходит к выводу, что упреки поляков в адрес СССР за провал восстания безосновательны. Советское командование о намеченном восстании, неподготовленной, материально не подкрепленной политической авантюре обосновавшегося в Лондоне польского правительства в изгнании, даже не предупредило. И предлагает вспомнить другое — восстановление польской столицы после Второй мировой войны. Как минимум, наполовину Варшава отстроена из советского цемента и кирпича; в Польшу шли финансовая помощь, продовольствие, стройматериалы, медикаменты, одежда, промышленное оборудование — все, в чем так нуждались после войны и мы сами. Аналогов подобной помощи с Запада другим странам нет. «Я вовсе не хочу, чтобы у читателей возникли какие-то антипольские настроения», — заключает А. Гаспарян. Но молчание, считает он, знак согласия с той напраслиной, что возводят на Россию. Быть может, польским властям, позиционирующим себя как главного русофоба в мире, стоит посмотреть на свою историю трезво.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург, Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)